
КАТОЛИЦИЗМ – ДРУГ ИЛИ ВРАГ? МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ СПОР В РОССИЙСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (1905–1914 гг.)

А.Ю. Бендин

Институт теологии Белорусского государственного университета
пр-т Независимости, 24, Минск, Республика Беларусь, 220030

В статье рассматриваются вопросы, связанные с разработкой политической стратегии государства в отношении к Римско-католической церкви. Особое внимание уделяется конфликту, который возник по этому поводу между министерством внутренних дел и министерством иностранных дел. Этот конфликт стал результатом различных подходов к решению проблем российского католицизма. МВД было сторонником жесткой линии, МИД предпочитало политику уступок и компромиссов с Ватиканом. Межведомственный спор завершила Первая мировая война.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, веротерпимость, Ватикан, Северо-Западный край, прозелитизм, польский национализм, министерство внутренних дел, министерство иностранных дел.

Модернизируя законодательство о Римско-католической церкви (указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и законы от 26 декабря 1905 г.), правительство России упразднило систему ограничительных мер, вызванных участием части ксендзов в антирусском восстании 1863 г.

Новые законы способствовали развитию правового статуса этой церкви и гарантировали соблюдение ее прав и интересов в рамках законодательства о веротерпимости (1). В качестве ответной реакции ожидалась столь же недвусмысленно выраженная готовность католического клира и мирян к законопослушности и соблюдению интересов государства и Православной церкви (2).

Но, как показали дальнейшие события, правительство ошиблось в своих политических прогнозах и, прежде всего, в оценке роли прозелитизма и польского религиозного национализма в Северо-Западном крае (Литва и Белоруссия). В итоге процессы полонизации русского (белорусы и малороссы) католического населения в этом регионе империи вышли из-под государственного контроля и превратились в один из ведущих факторов обострения отношений между Католической церковью и государством (3).

Нарастающее недовольство верховной власти поведением католического духовенства, не желающего действовать по правилам веротерпимости, установленным государством, не прошло мимо внимания Ватикана. Российский представитель при Св. Престоле барон Шиллинг в июле 1909 г. сооб-

шал министру иностранных дел А.П. Извольскому, что представитель Римской курии прелат Бениньи выказал обеспокоенность по поводу «уменьшения той доброжелательности, которая после апреля 1905 г. проявлялась, по крайней мере, высшими органами власти». На этом основании у Курии возникли сомнения «в справедливости утверждения, что в России католичество встречает известные стеснения только в связи с национальными соображениями». Вместе с тем из слов прелата следовало, что Римская курия готова к продолжению диалога с Россией, отводя себе в нем самостоятельную роль, не зависящую от интересов польского кругов в Ватикане (4).

К этому времени российские дипломаты располагали информацией о том, что в высших кругах Ватикана начинает возникать понимание политической ошибочности глубоко укоренившегося представления о тождественности интересов Римской церкви с польскими национальными интересами католического духовенства. Известный католический богослов Аурелио Пальмери прямо утверждал, что «поляки не только не содействовали распространению католичества в России, но даже принесли ему огромный вред, подчиняя Римскую церковь своим узконациональным целям, и тем усилив нерасположенность к ней правительства и большинства русских» (5).

В результате среди некоторых руководителей Ватикана появилось желание лишить поляков монополии на представительство интересов Католической церкви в Российской Империи, что, вполне совпадало с интересами правительства. В тоже время правительство понимало, что большинство в правящих кругах Ватикана по-прежнему придерживается традиционной точки зрения на то, что только поляки были и являются хранителями и распространителями католической веры на европейском Востоке (6).

Позитивные сигналы, подаваемые Римской курией, а также оптимистические заверения барона Шиллинга об «искреннем желании» Курии разграничить собственные интересы в России от интересов польских религиозных националистов вызвали заинтересованность П.А. Столыпина. Он решил воспользоваться появившейся возможностью для сближения позиций России и Ватикана по спорным вопросам церковно-государственных отношений. Для достижения этой цели следовало развеять тревоги Римской курии и попытаться убедить ее в неизменной приверженности правительства принципам веротерпимости. Не менее важным представлялся и обмен информацией, чтобы сведения о положении дел во взаимоотношениях Католической церкви с государством доходила до Ватикана, прежде всего, от правительства, а не только из предубежденно настроенных к России польских источников. Необходимо было внушить статс-секретарю кардиналу Мерри дель Валу, что ставшие уже привычными обвинения, будто в России католический клир подвергается преследованиям со стороны государства не за прозелитизм и пропаганду «полонизма», а за исповедание веры, не имеют под собой никаких реальных оснований (7).

В августе 1909 г. П.А. Столыпин через посредничество министра иностранных дел А.П. Извольского представил Ватикану правительственное

видение отношений, которые сложились в России между Римско-католической церковью и государством после издания указа от 17 апреля 1905 г.

Премьер-министр, опираясь на факты, настойчиво доказывал, что правительство добросовестно исполняет все правовые обязательства, которые возлагал на него указ о веротерпимости. «Я не сомневаюсь, – писал он, – что даже Курия сочтет себя вынужденной признать в действиях русского правительства полную благожелательность в отношении римско-католического населения нашего государства». В противовес последовательно позитивной политике правительства действия части римско-католического клира расценивались как деструктивные, направленные против государства и Православной церкви. П.А. Столыпин обращал внимание Курии на противоправное поведение части католического клира, нашедшее свое проявление в прозелитизме среди православных и в стремлении подчинить религиозное служение интересам польского национального движения. В Ватикане должны были понять, что правительство борется только с «преступными и противоправными элементами римско-католического клира», но, ни в коем случае не преследует саму Церковь, соблюдая все права, данные ей законодательством о веротерпимости (8).

Однако попытки российской дипломатии добиться понимания и поддержки политического курса П.А. Столыпина со стороны Ватикана не увенчались успехом.

Ватикан был недоволен мерами, которые начало предпринимать российское правительство относительно ревизии духовных консисторий и епископских канцелярий, а также принуждения католического клира к исполнению законов от 17 апреля и 26 декабря 1905 г. в правительственной интерпретации. Особое неприятие у Пия X вызвал циркуляр П.А. Столыпина от 2 декабря 1910 г., в котором министр, отстаивая суверенитет России, предупреждал правящих римско-католических епископов о «суровой ответственности», которая последует в случае применения ими папских распоряжений без санкции МВД (9).

Папу «глубоко опечалило» обстоятельство, что российское правительство, издавая указанный циркуляр, предварительно не согласовало решение этого вопроса с Римской курией. Однако относительно данного случая правительство не усматривало оснований для обращения в Ватикан. Следуя нормам права, П.А. Столыпин лишь настаивал на соблюдении того традиционного порядка взаимоотношений государства с Ватиканом и католическим клиром России, который сложился со времен Екатерины II. Он предусматривал законодательное признание дисциплинарной власти Папы по отношению ко всем римско-католическим епископам империи, но, вместе с тем, четко ограничивал ту область внутренней политики, где вмешательство Рима было категорически неприемлемо. Изданный циркуляр как раз и относился к указанной сфере, поскольку преследовал цель принудить католический епископат исполнять требования ст. 17 Устава иностранных исповеданий (10).

Но у Римской курии было принципиально иное видение того порядка взаимоотношений, который должен был существовать между римско-католическим епископатом России и Св. Престолом. «Римская курия, – по словам официоза Ватикана, газеты «*Osservatore Romano*», – никогда не желала признавать каких-либо ограничений в свободе своих отношений с римско-католическими епископами в России, свободы, вытекающей из божественного происхождения Римской церкви, полная независимость которой от какой-либо власти есть необходимейшее условие ее существования» (11).

Попытка Римской курии в очередной раз доказать преимущество канонического права своей Церкви над гражданскими законами России не могла встретить понимания у П.А. Столыпина, который неукоснительно отстаивал государственный суверенитет, требуя от католического клира точного соблюдения российского законодательства о веротерпимости. За богословскими рассуждениями Курии о примате духовной власти премьер-министр усматривал расчетливое желание скрыть подлинные причины начавшегося конфликта. П.А. Столыпин видел эти причины в мотивах не столько религиозного, сколько политического характера. По его мнению, подоплекой негативного отношения Пия X к правомерным действиям российского правительства было сочувствие польскому сепаратизму, идеи которого поддерживала значительная часть католического населения России.

Сложность ситуации, в которой оказался П.А. Столыпин, была обусловлена тем, что издание указа от 17 апреля 1905 г. не помогло правительству в решении многолетней политической задачи, – отделить религиозное служение католического клира от пропаганды польского национализма. Как признавал сам П.А. Столыпин, «быть католиком, значит быть поляком, и быть поляком, значит исповедовать католическую веру – в этом заключается и по сие время политическое credo польских националистов... Все попытки правительства и общественных сил лишить католиков России сепаратистской польской окраски до самого последнего времени почти не приводили ни к каким результатам» (12).

Впрочем, иного итога нельзя было ожидать не только в этнической Польше, но и в Литве и Белоруссии. Связь между католичеством и польской идентичностью на западных окраинах России, населенных русскими и литовцами, имела давнюю традицию и носила устойчивый характер (13).

Следует отметить, что правительство за предыдущие десятилетия так и не смогло установить действенный контроль над католическими семинариями Северо-Западного края, и они превратились в инструмент воспитания будущих ксендзов в традициях религиозного фанатизма и польского национализма (14).

В этом случае правительству оставалось только констатировать, что существенным препятствием для решения поставленных им задач стала предыдущая этническая политика государства в области духовного образования и подбора кадров в управлении Католической церковью. Ее итоги ока-

зались неутешительными. По данным МВД, практически все высшие посты в духовенстве империи – епископов, прелатов и каноников – были заняты лицами «польской народности» (15).

Предпринятая правительством Александра II попытка заменить на основании указа от 25 декабря 1869 г. польский язык в дополнительном католическом богослужении языком русским закончилась неудачей. Католическое духовенство Северо-Западного края, поддерживаемое Римской курией, сумело парализовать усилия администрации и части католического клира, направленные на «располячение» костела. К 1905–1906 гг. польский язык дополнительного богослужения вновь восстановил свои позиции в костелах Минской губернии (16).

В то же время новые правовые возможности, предоставленные указом о веротерпимости и манифестом от 17 октября 1905 г., позволили католическому духовенству Северо-Западного края привлечь общественные организации – братства и культурные общества – к работе по усилению польской идентичности его русской и литовской паствы (17).

Таким образом, процесс ассимиляции русских католиков с помощью польского костела начал приобретать новую динамику и масштабы.

То, что сделанные католичеству уступки только осложнили положение правительства, заставляло П.А. Столыпина искать поддержки в Ватикане. Однако несмотря на политические обещания, сделанные в свое время прелатом Бениньи, Римская курия отнюдь не собиралась идти на сближение с Россией на основе взаимного признания интересов друг друга. П.А. Столыпин был уверен, что усилия российской дипломатии не находили поддержки в Ватикане в результате взаимодействия двух основных факторов, во-первых, сопротивления польского церковного лобби; во-вторых, стремления самой Курии добиться от правительства очередных односторонних уступок с целью сведения к минимуму регулирующей роли государства по отношению к Церкви как внутри России, так и во взаимоотношениях со св. Престолом.

Обращаясь в январе 1911 г. к новому министру иностранных дел С.Д. Сазонову, Столыпин не мог скрыть своего недовольства упорным нежеланием Ватикана учитывать законные интересы России. «Отношение Курии к делам Римско-католической церкви в России определяется исключительно поляками, поэтому для Русской державы Ватикан является не конфессиональной курией, а политическим центром, пользующимся религией как орудием политической борьбы...

Это начало не вызывает сомнения в том, что русское правительство не только вправе, но и обязано предъявлять свои требования подданным Русского государства без различия их сана, положения и звания, требования, вытекающие из прямой буквы закона, без каких-либо предварительных сношений с иноземной властью» (18).

Отвечая на вызов, брошенный католичеством, МВД начало процесс *адаптации* нового законодательства о веротерпимости к реалиям форми-

рующихся государственно-конфессиональных отношений. В результате министерством была создана система ведомственных нормативных актов, устанавливающих правомерный порядок государственного регулирования отдельных сторон деятельности Католической церкви. Приоритет государства в области интерпретации положений указа от 17 апреля 1905 г. позволял МВД устанавливать целесообразные, с его точки зрения, нормы регуляции церковно-государственных отношений, которые, в свою очередь, учитывали специфику политической опасности, которую представляло католичество для сохранения Белоруссии и Литвы в составе империи.

Не удивительно, что нормотворческая практика МВД вызывала протесты римско-католической иерархии, носившие как межведомственный, так и правовой характер. В записке, поданной новому министру внутренних дел А.А. Макарову 13 января 1912 г., римско-католические епископы, собравшиеся на совещание у Могилевского митрополита В. Ключинского 20 октября 1911 г., изложили целый перечень назревших требований к правительству. Епископы предлагали отменить распоряжения МВД, ставящие под контроль администрации вопросы строительства и ремонта костелов, катехизации детей и взрослых, назначение ксендзов-законоучителей в государственные школы и т.д. (19).

Острую критику католического клира вызывала ст. 171 Устава иностранных исповеданий, которая позволяла МВД посредством епископата наказывать ксендзов, виновных в деятельности, «вредной для государственного порядка или мирного течения религиозной жизни среди местного населения» (20).

А.А. Макаров, рассмотрев претензии католического епископата к государству с правовой точки зрения, счел их необоснованными и несостоятельными (21).

Протесты епископата Могилевской архиепархии к правительству были поддержаны польскими политическими деятелями. В январе 1912 г. член Государственного Совета граф С.И. Велепольский обратился в МВД с запиской «О положении Римско-католической церкви в России». В ней граф изложил перечень «препятствий» к удовлетворению духовных потребностей католического населения, ссылаясь, главным образом, на опыт церковно-государственных отношений в Царстве Польском. Но при этом были подвергнуты критике и те решения МВД, которые задевали церковные интересы римско-католического клира в России. Общий вывод, к которому пришел граф Велепольский, гласил «...общественная жизнь Римско-католической церкви так стеснена министерством, что каждый ее шаг есть уже правонарушение» (22).

Начавшаяся в России католическая кампания давления на правительство получила поддержку за рубежом. Меры, предпринятые правительством в отношении Римско-католической церкви, и напряженность во взаимоотношениях со св. Престолом вызвали волну возмущения в западной католиче-

ской прессе. Орган иезуитов «*La Civiltà Cattolica*» в ноябре 1911 г. поместил статью под названием «Угнетение католицизма в России». Негодование газеты вызвали поступившие из польских источников сообщения об «обысках», произведенных летом этого года в епископских канцеляриях, консисториях и капитулах. Римская клерикальная газета «*Corriere d' Italia*» сообщила читателям о гонениях, которым подверглись в России минский декан ксендз В. Чечот, епископы И. Цепляк и С. Денисевич (23).

Резкая критика действий правительства была подхвачена другими клерикальными газетами. Очерки, опубликованные в этих изданиях, были напечатаны в виде отдельной брошюры «О свободе костела в России». В них авторы пытались «как можно нагляднее доказать печальное положение Римско-католической церкви в России». Российский посланник при св. Престоле Н. Булацель с тревогой сообщал в Петербург о походе, предпринятом клерикальными газетами против России (24).

Вслед за шумной кампанией в католической прессе, начавшейся осенью 1911 г., последовал дипломатический демарш Ватикана. В феврале 1912 г. российскому представителю при св. Престоле был вручен меморандум, составленный по указанию Пия X, «крайне огорченного последними известиями из России». В этом документе были подвергнуты критике распоряжения правительства и циркуляры МВД, которые вызвали недовольство и протест римско-католического епископата (25).

Изучив текст меморандума, министр иностранных дел С.Д. Сазонов обратился с письмом к новому главе МВД А.А. Макарову, назначенному на этот пост после трагической гибели П.А. Столыпина.

Реакция министра иностранных дел на проблемы, изложенные в папском меморандуме, не сводилась к формально исполняемому служебному долгу. Письмо к Макарову было продиктовано личными убеждениями, которые сложились еще во время пребывания его на дипломатической службе в Ватикане.

Будучи министром-резидентом при Св. Престоле, Сазонов считал заслуживающими серьезного внимания заявления кардинала Мерри дель Валя о существовании общих интересов России и Римской курии. В качестве объединяющих факторов кардинал называл, во-первых, идейный и политический консерватизм, который был присущ и Папе, и российскому монарху, во-вторых – общих противников, именуемых врагами «христианства и гражданского порядка».

Беседы с Мерри дель Валем привели Сазонова к заключению, которое он высказал МИДу в 1906 г.: «...не выгодно ли нам заручиться, даже ценой известных уступок политическому честолюбию Римской курии, ее более полным и искренним содействием для сдерживания польско-литовских национальных вождедений? В том, что святейший Престол станет на сторону русского правительства в его борьбе с означенным национальным движением, едва ли есть основания сомневаться...» (26).

Находясь в Риме, Сазонов продолжал убеждать правительство в том, что «примирительное влияние св. Престола на римско-католическое население империи» имеет для правительства практическое значение, особенно для «сохранения внутреннего мира на наших западных окраинах» (27).

Став министром иностранных дел, Сазонов высказал А.А. Макарову собственное видение решения проблем российского католицизма, о чем не решился в свое время заявить премьер-министру П.А. Столыпину. Глава МИДа пытался уверить Макарова в том, что меры, предпринятые МВД в отношении Римско-католической церкви в России, не были продиктованы «прямой государственной необходимостью». Он повторил Макарову уже известный тезис, что консервативно настроенное католическое духовенство может стать политическим союзником правительства в борьбе против левых экстремистов. Иными словами, в свете главной угрозы, исходящей для государства от реальных врагов «слева», не следует непродуманными административными решениями отталкивать потенциальных друзей «справа».

Вину за обострение церковно-государственных отношений министр иностранных дел возлагал на действия правительства П.А. Столыпина. Сазонов призывал А.А. Макарова в «целях наших государственных интересов» прервать преемственность с предыдущей политикой МВД. Для этого министр предлагал «без ущерба прерогатив гражданской власти обеспечить, с одной стороны, мирное течение духовной жизни известной части населения империи, а с другой, сохранить доверчивые отношения с главой Церкви, к которой принадлежит это население» (28).

Ответ Макарова, направленный в МИД для сообщения Римской курии, выявил как сходство, так и наметившиеся принципиальные расхождения между МВД и МИДом по вопросам внешней и внутренней политики в отношении католицизма. Новый министр внутренних дел выступил открытым сторонником преемственности политического курса, который проводил его великий предшественник П.А. Столыпин. В области внешней политики А.А. Макаров заявлял себя «искренним» сторонником развития дружественных отношений с Папским Престолом, оговаривая при этом, что в ответ правительство вправе рассчитывать на авторитетное содействие Ватикана «в деле устранения из области религии чуждых ей национальных политических тенденций».

Подробно разбирая претензии Римской курии к правительству, Макаров утверждал, что решения МВД, вызвавшие ее протесты, имеют под собой легальную основу и являются правомерными. Министр указывал С.Д. Сазонову на правовой принцип, который упорно оспаривала Римская курия и которым последовательно руководствовались МВД в конфликтах с католическим духовенством. «В случаях коллизии инославных канонических и российских государственных интересов, первые, по точному смыслу нашего законодательства, должны, безусловно, уступать вторым». Усиление административных мер воздействия со стороны МВД А.А. Макаров объяснял тем, что «именно в последнее время» антигосударственная деятельность не-

которых представителей римско-католического клира приняла «особенно острый характер».

Министр внутренних дел дал ясно понять главе МИДа а, следовательно, и Римской курии, что курс, направленный на противодействие духовенству в его стремлении к прозелитизму и «ополячению непольских народностей», остается последовательным и неизменным. «Правительство, – заявил он – не может не принимать соответствующих мер по отношению к тем представителям римско-католического клира в России, которые вносят в свое служение недопустимое, с правительственной точки зрения, слушание государственному закону и полонизаторскую деятельность» (29).

Как видно, А.А. Макаров весьма скептически отнесся к гипотетическим возможностям «консервативного» католического клира в борьбе с левыми экстремистами и польским сепаратизмом. Не испытывал министр иллюзий и относительно готовности Ватикана к конструктивному сотрудничеству с Россией. «Я, к сожалению, – заявлял он С.Д. Сазонову, – не могу указать ни одного факта, который свидетельствовал бы об искреннем намерении Ватикана пойти навстречу заявленным нами пожеланиям, направленным к упорядочению взаимоотношений государственной и римско-католических властей» (30).

Действительно, к этому времени у МВД накопился целый перечень претензий к Ватикану, который отнюдь не стремился к тому, чтобы выстраивать взаимоотношения с Россией на паритетных началах. Так, правительство, надеясь, что Римская курия пойдет на уступки в вопросе о введении русского языка в дополнительное богослужение, согласилось в 1907 г. ослабить государственный контроль за преподаванием русских предметов в католических семинариях.

Надежды оказались напрасными. Оказалось, что действие папского декрета о русском языке, принятого 13 октября 1906 г., распространялось только на те приходы, которые должны были состоять из великороссов, перешедших, как сказано в Послании Ватикана, «с Божьей помощью» из православия в католичество (31).

Для белорусов и малороссов, «некогда подвластных Царству Польскому», обязательным языком дополнительного богослужения по-прежнему оставался язык польский. Об этом Святой престол в ноте от 27 марта 1907 г. еще раз недвусмысленно напомнил российскому правительству (32). Своим решением о русском языке дополнительного богослужения Ватикан, в действительности, только подготовил для себя необходимую каноническую основу для формирования незаконной католической миссии в Центральной России. И таковая последовала незамедлительно (33).

Что же касается католических семинарий, то они по-прежнему оставались рассадниками антироссийских и антиправославных настроений в среде будущего духовенства (34).

Тем самым папские дипломаты преподали российскому правительству хороший урок практической политики, показавший, насколько наивным был рас-

чет на то, что Рим способен уступить России в принципиальном для него вопросе введения русского языка в костелах на территории Северо-Западного края (35).

Готовность Рима оказать помощь российскому правительству в борьбе с революционными выступлениями в России также оказалась блефом. Монахи ордена редemptористов, которые прибыли в Россию после указа от 17 апреля 1905 г. для борьбы с революционным движением, никакой пользы правительству не принесли. Все свои усилия они направили на борьбу с католической сектой мариавитов, лояльно настроенной в отношении российского государства (36).

Наконец, у МВД не было серьезных оснований принимать на веру утверждение С.Д. Сазонова относительно идейного и политического «консерватизма» римско-католического клира. Министерству было хорошо известно о том, что в период революционной смуты 1905–1907 гг. часть ксендзов Северо-Западного края приняла участие в антиправительственных и антирусских выступлениях местного католического населения (37).

Поэтому А.А. Макаров был убежден и пытался внушить главе МИДа, что в борьбе с революционным и сепаратистским движением на западных окраинах России правительству следует рассчитывать только на собственные силы.

Ответ, подготовленный департаментом духовных дел МВД, был объявлен Римской курии министром-резидентом в Ватикане Д.А. Нелидовым. В нем говорилось, что:

«1. Русское правительство не сознает себя виновным в нарушении веротерпимости в отношении римско-католического исповедания.

2. Католический клерикализм систематически нарушает государственные законы, а потому правительство, защищая таковые, не может этого терпеть ни теперь, ни впредь» (38).

Обозначившееся расхождение в приоритетах внутренней религиозной политики между МИДом и МВД усилилось после того, как Римская курия в августе 1913 г. продолжила кампанию давления на российское правительство и обратилась к нему с очередным меморандумом. В нем Курия заявляла, что положение Римско-католической церкви в России «бесправно», а отношение правительства к ней «явно враждебно и недоброжелательно» (39). Сущность накопившихся проблем Курия усматривала в несогласованности российских законов и административных решений МВД с каноническими нормами Римско-католической церкви. В качестве примирительного жеста Курия изъявляла готовность проявить «возможную уступчивость» к требованиям российской стороны, если правительство согласится вступить с ней в переговоры по указанным вопросам (40).

Аналитическая записка, подготовленная по этому поводу МИДом, в январе 1914 г. была одобрена С.Д. Сазоновым. В ней МИД повторил критические замечания в адрес МВД, характеризуя его политику в отношении русского католичества как «неопределенную и изменчивую», которая не отличается постоянством и зависит «от личных воззрений меняющихся у вла-

сти лиц». В этой связи внешнеполитическое ведомство выдвинуло ряд предложений, призванных внести принципиальные изменения во взаимоотношения с Католической церковью как внутри России, так и ее зарубежным центром – Римской курией. МИД предлагал созвать межведомственное совещание, которому предстояло установить на будущее твердые принципы внутренней государственной политики в отношении католичества.

Отказывая внутриполитическому курсу МВД в последовательности и эффективности, МИД предлагал свои, уже известные меры, по исправлению ситуации. Для достижения указанной цели следовало заручиться содействием Ватикана, который, по мнению МИДа, начал тяготиться своей зависимостью от польских кругов в Риме. Была высказана уверенность, что высшая церковная власть в Риме сможет добиться более действенного контроля над поведением римско-католического клира в России, чем осуществляемое МВД «самостоятельное и непосредственное давление всей силой гражданских законов». Иными словами, ведомство предлагало использовать дисциплинарную власть Римской курии в качестве инструмента для решения проблем внутренней политики Российской империи. По расчетам МИДа, Курия в качестве властного церковного центра могла оказывать поддержку государству в борьбе с прозелитизмом и полонизаторской деятельностью католического духовенства.

Но для того чтобы заполучить в этом деле помощь Римской курии, правительству следовало снова пойти на уступки. В качестве таковых МИД предлагал разрешить пребывание в Петербурге папского представителя и внести изменения в законодательстве о веротерпимости относительно расширения прав Римской церкви в России. Тревожившую МВД проблему полонизации русского католического населения в начальных школах Литвы и Белоруссии МИД надеялся решить с помощью мер внутриполитического характера и путем «общего соглашения с Курией» (41).

Настойчивое желание МИДа внести существенные перемены во внутреннюю политику путем заключения компромиссов с Ватиканом вызвало резкое противодействие МВД. В нарастающем межведомственном противостоянии новый министр внутренних дел Н.А. Маклаков решил обратиться за помощью к императору, предоставив на его утверждение проект ответа на меморандум Курии. В докладе, составленном в декабре 1913 г., министр разъяснял Николаю II, почему правительство не должно отступать от прежней политики в отношении католичества и не поддаваться давлению Ватикана. С точки зрения МВД, для уступок Ватикану не было никаких оснований, ни правовых, ни политических. Решения П.А. Столыпина и А.А. Макарова в отношении католичества Маклаков, в противовес МИДу, признавал правомерными, последовательными и необходимыми. Они были приняты для того, чтобы заставить римско-католический клир подчиняться нормам российской веротерпимости и законам, сохранившим свою силу после указа от 17 апреля 1905 г.

По мнению министра, вопрос об уступках католичеству в форме снятия правомерных ограничений, наложенных администрацией, можно было обсу-

дать только тогда, когда «устранятся причины их вызвавшие». В качестве таких Маклаков называл: использование, с ведома Папского престола, римско-католическим духовенством религии в целях ополячения непольских народностей, главным образом, белорусов и малороссов; противозаконную пропаганду католичества среди православных, распространение ксендзами идеологии польского национализма. На доклад министра в мае 1914 г. последовала резолюция Николая II «Вполне одобряю заключения Ваши об ответе Римской курии» (42).

Своим решением император дал ясно понять, что политический курс МВД в отношении католичества был верным и не нуждается в изменениях, предлагаемых министерством иностранных дел. О своей принципиальной позиции в этом вопросе Николай II заявлял неоднократно (43). В частности, на отчете витебского губернатора Б.Б. Гершау-Флотова за 1908 г., где сообщалось о деятельности римско-католического духовенства по ополячению коренного белорусского населения, император оставил отметку: «Обращаю серьезнейшее внимание на это скверное и недопустимое явление» (44).

Конфликт по поводу определения приоритетов политической стратегии в церковно-государственных отношениях, который возник между двумя основными российскими ведомствами, стал результатом различных подходов к решению проблем российского католицизма.

Оба ведомства сходились на том, что развитие конструктивных отношений с Ватиканом и соблюдение законных религиозных прав и интересов католического населения являются одним из важных условий для поддержания политической и религиозно-этнической стабильности на западных окраинах России. Наметилось сближение позиций и в прагматическом восприятии религиозного служения католического духовенства (45).

Расхождения начинались с ответа на вопросы, насколько реальна опасность, которую несет для государства противоправная и ассимиляторская деятельность католического духовенства, и является ли эта опасность политической угрозой для целостности государства. В зависимости от ответа на этот вопрос каждое ведомство предлагало свой вариант политических решений.

С точки зрения МИДа, в отношениях с католичеством необходимо было учитывать, прежде всего, его политический и социальный консерватизм, который полезен государству как авторитетный инструмент дисциплинарного контроля над значительной частью российского общества. В этой связи сотрудничество с Ватиканом – оплотом международного идейного и политического консерватизма – являлось необходимым и полезным не только для обеспечения безопасности государства на его западных границах, но и для достижения внешнеполитических целей (46).

При оценке политической опасности, представляемой католицизмом, МИД считал необходимым, говоря словами К. Шмитта, «правильно различать друга и врага» (47). В борьбе с революцией католическое духовенство, включая и польское, объективно представлялось скорее союзником российского государства, чем его политическим врагом, и на этом основании сле-

довало отдавать приоритет практике правомерных уступок и компромиссов. В свете этой главной политической угрозы опасность религиозного национализма и прозелитизма, исходившую от католического духовенства, можно было оценивать в качестве второстепенной.

У МВД, строившего свою политику в отношении католичества с учетом конкретной информации о поведении духовенства и мирян, поступавшей из западных губерний и Царства Польского, были иные критерии, нежели идеологические представления и дипломатические расчеты на получение будущих внешнеполитических дивидендов.

Свое понимание проблем, сложившихся во взаимоотношениях российского государства с Римско-католической церковью, МВД высказало на «Совещании по вопросу о борьбе с полонизацией Северо-Западной России», которое состоялось в апреле 1914 г.

В отличие от МИДа, МВД отнюдь не обескураживала заявленная Римской курией готовность к разрыву отношений с российским правительством в случае невыполнения им требований, которые были выставлены в указанных меморандумах. В защиту правильности своей позиции МВД указывало на пример Германии, правительство которой, проявляя «последовательность и твердость» в национальной и религиозной политике, добилось желательного для него «отношения к польскому вопросу». С другой стороны, МИДу следовало учитывать, что Ватикан уже получил политический урок от Франции и Португалии в форме разрыва отношений, и это обстоятельство необходимо было использовать для ответного давления на Римскую курию (48).

Отвергая возможность уступок Ватикану, МВД полагало, что «при известной постепенности и последовательности может быть достигнуто еще большее подчинение Католической церкви государственному надзору и усилено воздействие на католическое духовенство в целях устранения национально польских тенденций из клира и костела» (49).

Опираясь на факты, МВД не испытывало сомнения в том, что деятельность католического духовенства не ограничивалась религиозным служением, направленным на укрепление христианской веры среди его паствы. Как уже отмечалось, ведомство располагало сведениями о том, что часть этого духовенства, главным образом, польского, «явно стремится» к противоправной пропаганде католицизма среди православных и ассимиляторской деятельности среди белорусов и малороссов (50).

Отсюда делался неутешительный вывод, что после 1863 г. ожидаемой государством «коренной перемены в настроениях римско-католического клира» так и не произошло. Только теперь борьба с империей ведется польским клиром в «иных формах», нежели в период открытого вооруженного противостояния (51). МВД было уверено, что деятельность католического духовенства по-прежнему угрожает «жизненным интересам государства», так как, «несомненно, имеет конечной целью обособление этого искони русского края от России» (52).

В качестве ответных действий Совещание разработало программу мер, призванных «обезвредить Католическую церковь в крае, лишив ее возможности вносить в область вероисповедной жизни польские националистические тенденции и служить целям прозелитизма во вред господствующей Церкви и русской государственности» (53).

Левый экстремизм и сепаратизм после 1907 г. не представляли собой реальной опасности на западных окраинах империи. В связи с этим информация о националистической и ассимиляторской деятельности католического духовенства в Северо-Западном крае, поступавшая в МВД, заставляла видеть в этих процессах главную политическую угрозу для территориальной целостности России. Поэтому польское духовенство воспринималось, скорее, в качестве потенциального политического врага, нежели возможного союзника государства в борьбе с сепаратистами и левыми экстремистами.

У МВД, в отличие от МИДа, было гораздо больше оснований и ответственности предполагать, что, во-первых, католическое духовенство в Литве и Белоруссии не способно, даже по велению Папы Римского, отрешиться от польского этноцентризма и прозелитизма среди православных. Во-вторых, Римская курия, несмотря на идейную общность с российской монархией, не готова, во всяком случае, в ближайшем будущем, по политическим и финансовым соображениям, поддержать российскую политику «располюдения» костела (54). В свою очередь опыт взаимоотношений с Ватиканом недвусмысленно указывал МВД на бесперспективность продолжения политики уступок конфессиональному эгоизму Римской курии.

В таком положении дел оба ведомства встретили Первую мировую войну. С.Д. Сазонов в июле 1916 г. был отправлен в отставку, вызванную, по мнению большинства исследователей, его особой позицией в «польском», или «католическом», вопросе (55).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. / Под ред. Н.И. Лазаревского. – 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 г. – СПб., 1909. – С. 34–38, 219–228.
- (2) Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 25. – Л. 53 об.
- (3) Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 1–3.
- (4) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 25. – Л. 20 об.
- (5) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 1067. – Л. 55.
- (6) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 25. – Л. 42 об.
- (7) Кардинал Мерри-дель Валь занимал пост статс-секретаря Ватикана. Функции статс-секретаря можно сравнить с функциями премьер-министра и министра иностранных дел вместе взятых. Статс-секретарь является политической главой Ватикана. Именно через него Папа проводит свою политическую деятельность во всем мире. См.: История Ватикана. Власть и римская курия. – М., 2002. – С. 132.

- (8) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 25. – Л. 47–57.
- (9) Там же. – Д. 22. – Л. 15–16, 37 об.
- (10) Эта статья содержала те же требования, что и предыдущее российское законодательство 1896 г.: «Все христиане Римско-католического исповедания, духовные и светские из подданных государства, по делам своего исповедания сносятся с Римской курией не иначе, как чрез министра внутренних дел. Никакие буллы, послания и наставления и вообще никакие исходящие от Папского управления акты не могут быть приводимы в действие в империи и великом княжестве Финляндском без высочайшего его императорского величества разрешения, испрашиваемого министром внутренних дел, по предварительном удостоверении, что сии акты не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам верховной самодержавной власти». См.: Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий, христианских и иноверных // Свод Законов Российской империи. – СПб., 1896 (по прод. 1906 г.). – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 17.
- (11) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 1. – Л. 89.
- (12) Там же. – Д. 22. – Л. 33.
- (13) *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 2–3.
- (14) *Записка А.А.* Станкевича «Политическая роль Виленских римско-католических епископов». См.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 201. – Л. 7, 23 об; Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 298 б. – Л. 65 об; Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 9. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. – Оп. 1909. – Д. 159. – Л. 105; *Жиркевич А.В.* Из-за русского языка. В изгнании // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. – М., 1911. – Вып. III. – Ч. 2. – С. 30–31.
- (15) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 167. – Л. 69; АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 33.
- (16) *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. – Минск, 2010. – С. 74–128.
- (17) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 10 об.
- (18) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 32–33.
- (19) ЛГИА. – Ф. 696. – Оп. 2. – Д. 360. – Л. 4–35.
- (20) Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий, христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. – СПб., 1896 (по прод. 1906 г.). – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 171.
- (21) ЛГИА. – Ф. 696. – Оп. 2. – Д. 360. – Л. 36–39 об.
- (22) *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. – СПб., 2001. – С. 105–106.
- (23) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 42 об, 44. Указанные лица отнюдь не были невинными жертвами правительственных гонений за веру, как это преподносила клерикальная западная печать. Минский декан В. Чечот, епископы И. Цепляк и С. Денисевич были правомерно наказаны правительством за разжигание межрелигиозной розни, порицание православия, пропаганду польского национализма и образование тайных монашеских организаций. См.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 1067. – Л. 170–171, 182–183; Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 1074. – Л. 98; Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 3080. – Л. 74 об, 91–93 об.; АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 89.
- (24) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 1. – Л. 88–89; ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 1912. – Д. 131. – Л. 93.

- (25) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 71 об. Это была политическая акция, практически синхронная и по времени и отчасти по содержанию с заявлением римско-католического епископата Могилевской архиепархии. Поэтому А.А. Макаров имел некоторые основания утверждать, что обвинения правительства, высказанные Римской курией в меморандуме 1912 г., исходят из «польского лагеря». При этом он указывал на тождественность приведенных в меморандуме положений с записками, которые были направлены в МВД епископатом и графом Велепольским. См.: АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 96 об.
- (26) Яхимович З.П. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX в. (по материалам АВПРИ) // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века: Материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г. / Под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. – М., 2003. – С. 75–76.
- (27) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 1. – Л. 71.
- (28) Там же. – Д. 22. – Л. 77.
- (29) Там же. – Л. 85–97.
- (30) Там же. – Л. 183.
- (31) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 3.
- (32) Там же. – Оп. 125. – Д. 278. – Л. 94.
- (33) В сентябре 1913 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков докладывал Николаю II о том, что «за последние годы в Санкт-Петербурге по инициативе Ватикана, где еще в 1905 г. на тайных совещаниях выработывались планомерные способы использования смуты в России для распространения католицизма, наблюдается усиленное, систематическое стремление многочисленных, враждебных православию и русским государственным идеалам католических орденовских организаций проникать, явными и тайными, зачастую весьма сложными, с виду вполне легальными, приемами, в пределы империи». Несколько позже тот же Маклаков отмечал попытки католических миссионеров воссоздать в России Униатскую церковь для «сращения православных в католичество». См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 243. – Д. 131. – Л. 53–55; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 3.
- (34) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 9.
- (35) Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. – Минск, 2010. – С. 363.
- (36) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 150. – Л. 7 об.; Керенский Вл. Мариавиты. – СПб., 1908. – С. 1–17.
- (37) ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1906. – Д. 355. – Л. 36–36 об., 40 об; Ф. 378. – Оп. 1906. – Д. 27а. – Л. 2; Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 7597. – Л. 24.
- (38) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 242. – Д. 131. – Л. 92. Литовская газета «Viltis» 23 ноября 1912 г. перепечатала перевод статьи из римской газеты «Italie», в которой говорилось: «Поляки превратили костелы в политические клубы... Следует ли удивляться, что русское правительство считает католиков в империи людьми, единственная цель которых – устройство под флагом религии политических и национальных скандалов. Все это оправдывает строгие мероприятия русских властей, направленных против всех католиков империи. Пока Святой Престол не выступит против панполонизма, до тех пор русское правительство будет иметь право не полагаться на Католическую церковь и поступать с ней как с антирусской партией, пользующейся католицизмом для достижения своих политических целей». Там же. – Л. 90.
- (39) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 1. – Л. 55–61 об.
- (40) Там же. – Д. 22. – Л. 210.

- (41) Там же. – Д. 1. – Л. 60–69 об.
- (42) Там же. – Д. 22. – Л. 281–287.
- (43) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 267. – Л. 49; Ф. 1284. – Оп. 194. – Д. 34. – Л. 14; АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. – Л. 285–286.
- (44) НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 47382. – Л. 46 об.
- (45) По словам министра Н.А. Маклакова, «правительство признавало бы крайне полезной для государства деятельность римско-католического духовенства, поскольку таковая была бы направлена к укреплению начал веры среди католиков и признает, что подобная деятельность, ослабляя влияние крайних политических партий, служила бы одновременно на пользу как Римско-католической церкви, так и государству». См.: АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 290 об.
- (46) Там же. – Д. 1. – Л. 70–75.
- (47) *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 45.
- (48) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 172. – Л. 95 об. – 96.
- (49) Там же. – Л. 95 об.
- (50) Там же. – Д. 167. – Л. 68.
- (51) АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 291 об.
- (52) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 172. – Л. 89 об.
- (53) Там же. – Л. 89 об.
- (54) По мнению МВД, поддержка требований российского правительства «могла бы нежелательным для Ватикана образом отразиться на поступающих от поляков из России денежных приношениях». См.: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 172. – Л. 96.
- (55) *Гайдук В.П.* Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX–XX вв. (по новым архивным материалам) // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века... – С. 107.

CATHOLICISM – THE FRIEND OR THE ENEMY? INTERDEPARTMENTAL DISPUTE IN RUSSIAN GOVERNMENT (1905–1914)

A.J. Bendin

Institute of Theology of the Belarus State University
Nezavisimosti Ave., 24, Minsk, Belarus, 220030

The questions connected to the development of political strategy of the state in the attitude to Catholic church are considered in the article. The special attention is given to the conflict which has arisen in this occasion between the Ministry of Internal Affairs and the Ministry for Foreign Affairs. This conflict became the result of various approaches to the decision of problems of Russian Catholicism. The Ministry of Internal Affairs was the supporter of a rigid line, the Ministry of Foreign Affairs preferred a policy of concessions and compromises with Vatican. Interdepartmental dispute was finished with the First world war.

Key words: Catholic church, toleration, Vatican, Northwest territory, prozelitizm, the Polish nationalism, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry for Foreign Affairs.